

-Мстислав Леопольдович, ваш нынешний приезд в Москву связан с постановкой оперы "Хованщина", которую вы осуществлете в Большом театре. Насколько я знаю, впервые вы высказали желание поставить "Хованщину" еще несколько лет назад. Что помешало осуществить его тогда?

— Мне ничего не мешало. Просто я люблю свои планы составлять загодя, на два-три дня вперед. Кроме того, тогда, в 92-м году, когда об этой постановке впервые зашла речь, в Большом театре была другая власть. Впрочем, прежние руководство Большого мне не препятствовало, а новое еще больше заинтересовано в том, чтобы я эту постановку осуществил.

Да, я приехал в Москву ставить "Хованщину", но я всегда делаю несколько дел сразу. Только что я вернулся из Оренбурга, где похоронен мой отец и где родилась моя мама. В прошлом году я нашел там потерянную могилу отца. Я очень люблю Оренбург, мальчишкой я провел там в эвакуации военные годы. На этот раз я сыграл в городе концерт, с которого мы собрали 125 миллионов рублей на корпус детской больницы (она очень бедная, построена там в рабочем районе; мы открыли в ней новый трехэтажный корпус, аппаратуру для него я привез из США).

21 октября в Москве, в Большом зале Консерватории я буду играть на виолончели два концерта — Гайдна и Шостаковича. Собранные деньги пойдут на строительство храма Христа Спасителя. На следующий день, 22-го, эту же программу я повторяю в помещении нижнего храма этого собора, которое практически уже готово, для 3—4 тысяч рабочих, занятых на строительстве. 31 октября я улетаю в Испанию: 2 ноября у меня концерт в Мадриде. Оттуда еду в Париж, где 4-го даю концерт, посвященный двухсотлетию французской Академии, членом которой я состою. 6 ноября я возвращаюсь сюда, в Большой театр; 9-го и 11-го здесь состоится премьера "Хованщины".

— Стало быть, вы поддерживаете идею восстановления храма Христа Спасителя. Между тем отношение к этой идее неоднозначное: многие россияне, в том числе и церковнослужители, полагают, что социальное положение большинства жителей России не позволяет именно сейчас тратить такие огромные деньги на возведение храма.

— И все-таки я хочу, чтобы этот собор стоял. Вы знаете, есть люди, которые хотят поминать зло. Может быть, в этом есть какой-то смысл — чтобы оно не повторялось. Я же всегда смотрю в будущее со светом. Существует какое-то прощение в жизни, прощение прошлых грехов. Вот мне кажется, что если храм Христа Спасителя будет стоять, мне будет немного легче. Я не участвовал в его разрушении, в 32-м году мне было пять лет, но грех за это я на себе чувствую. Я даже чувствую на себе грех за расстрел царской семьи. Поэтому я и хочу, чтобы храм был восстановлен. Поэтому я надеюсь отменить свой концерт в Вене 25 февраля будущего года, чтобы приехать на захоронение останков царской семьи. Это тоже было мое большое желание, и я за восстановление истины в проблеме идентификации останков. У меня есть еще одно желание, до осуществления которого я очень хочу дожить: чтобы Ленин был вынесен из Мавзолея и погребен в земле.

Еще раз возвращаясь к вашему вопросу о храме Христа Спасителя, я отвечаю на него так: я хочу его восстановить, чтобы смыть грех тех, кто его разрушил. Он ведь, коммунисты, тоже были русскими. А есть люди, которые хотят, чтобы невосстановление храма осталось памятником вандализму.

— Судя по вашим словам, вы не хотите поминать зло. Но если его не помнить, оно приходит вновь...

— Вы знаете, мне кажется, что добром легче бороться со злом, чем злу противопоставлять зло. Скажем, коммунисты нанесли нашей стране непоправимый урон. Кстати, меня очень расстроило то обстоятельство, что в Волгограде на выборах в городское собрание 80 процентов получили коммунисты. Но бороться против них мы должны добром. Мы должны объяснять им, что добро исходит не от них.

— Как вы полагаете, они поймут?

— Поймут ли они — не знаю, но мы должны объяснять это народу. Они ведь все время врут. Все время обещают и врут. Семьдесят с лишним лет они врал — вот в чем ужас. Русский народ очень доверчив. Доверчив потому, что мы любим сказки, мы воспитаны на сказках. И поэтому, когда кто-нибудь рассказывает нам красивую сказку, мы верим. Используя эту доверчивость, коммунисты придумали даже циничный лозунг: "Мы рождены, чтоб сказку

сделать былью". На самом деле хорошую сказку они превращали в ад.

— Мстислав Леопольдович, вы приехали в Москву в те самые августовские дни 91-го года со словами "Я буду воевать за демократию". Ваш приезд и ваше настроение оказали тогда существенное влияние на настроение российского общества. Сейчас, четыре с небольшим года спустя, — не кажется ли вам, что все отнюдь не совсем так, как вы представляли себе тогда, в 91-м?

— Я представлял себе, что все будет более гладко. Вы знаете, главная трудность, по моему, заключается в том, что коррумпированность в нашем обществе достигла немыслимого предела. Вот последние сведения: под следствие попали руководители Мариинского театра. Это свидетельствует о том, что совет у людей кончается. И каждый раз мне хочется думать: вот это — последняя темная волна, захлестнувшая Россию. А эта темная волна, как всегда во время наводнения, приносит мусор, щепы и прочее. Вот так это у нас и идет, на что я не рассчитывал.

Но в то же время я не могу забыть, когда в ту ночь, когда я приехал в Белый дом, мне сказали: здесь есть молодые медики, они хотят обязательно вас увидеть. Я пошел к ним. В основном это были молоденькие медсестры. Их глаза в ту ночь напомнили мне старые фотографии великих князей, когда во время 1-й

силой оружия. Они это отрицают, но я не вижу у них другого пути. Это ведь еще от Ленина идет: "Есть такая партия", "Берите оружие..."

— Мстислав Леопольдович, мы беседуем с вами два года спустя после октябрьских событий в Москве. Вы и после них поддерживаете Бориса Ельцина?

— Я могу сказать слово "да" и не стесняюсь этого слова. Скажу вам почему. В то время я находился в Москве. Я слышал и видел по телевидению (и это была не комбинированная съемка), когда Руцкой кричал: "Поднимайте авиацию и бомбите Кремль". Это было ДО того, как началась акция против них (говорят, что против "Верховного Совета"; ну, называть можно как угодно). Кроме того, они пошли штурмовать "Останкино". Кое-кто из русских писателей-эмигрантов, живущих на Западе, говорил потом: подумай, взяли бы они "Останкино", объявили бы о своей победе — что бы изменилось?

Вы не представляете себе океана крови, который бы пролился после этого. Потому что те коммунисты, которые до поры до времени сидят в тени — в любом городе, в любой деревне, бывшие секретари райкомов или домкомов партии, — они же расплодились, как клопы в бедной крестьянской избе, — они тут же бы поднялись. И полилась бы кровь. Поэтому их никак нельзя было подпускать к камерам и микрофонам. Я ведь видел на экране телевизора, как около Белого дома маршировали

Москве и до последнего времени еженедельно выступал по первому каналу "Останкино". Отстранение его от эфира новым руководством первого канала вызвало скандал, хотя многие заявляли и заявляют о некоторой назойливости солженицынских нравоучений. Что думаете об этом вы?

— Я слышал и видел только одно из этих его выступлений. Александр Исаевич показывал тогда новые книги по истории России. И когда он говорил о Столыпине, я был потрясен его знанием российской истории. И хотя других его выступлений по российскому телевидению я не видел, полагаю, что к его голосу все равно необходимо прислушаться.

— Вас по-прежнему связывают с ним добрые личные отношения?

— Очень добрые и очень личные. То, что мы вместе с ним пережили, это незабываемо. У меня к нему огромное уважение.

Я не часто включаю телевизор в России. А когда включаю, то по большей части попадаю на какие-то новые российские поп-группы. Некоторые из них вульгарны до предела. Я не против поп-музыки. Мой хороший приятель, мы с ним, можно сказать, дружим, — Элтон Джон. Мы вместе получали в Стокгольме премию от короля Швеции. Я поддерживал тогда его кандидатуру и был рад получить вместе с ним премию, хотя мы работаем в несколько разных областях музыки. Просто, я думаю, мы должны понимать, что и в этой области, к которой принадлежит Элтон Джон, есть музыка хорошего вкуса и есть ужасная. Хороший вкус есть и в этой... как она называется... "металлическая"? "твердая"? — какие-то такие слова

Мстислав Леопольдович. 1995 - 14 окт. - с. 2.
МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ:

«СЕМЬДЕСЯТ С ЛИШНИМ ЛЕТ ОНИ ВРАЛИ, И ИМ ВЕРИЛИ...»

мировой они ухаживали за ранеными в госпиталях: у них были такие же глаза. И я думаю, что вот эти нынешние глаза, которые мне довелось увидеть в ту ночь, уже не погаснут.

И еще одно укрепило мою веру в победу разума и благородства в России — моя нынешняя поездка в Оренбург. Вы знаете, провинция, такая, как Оренбург, на Урале, не похожа на Москву. Там все чище. В сто раз чище. Морально чище, духовно чище. Если хотите, даже политически чище. Во всех смыслах. Поэтому я думаю, что очищение России пойдет из провинции, сконцентрируется вокруг Москвы, а потом, может быть, благородство и демократия займут наконец Москву и победят.

— Если вам доведется пойти на выборы, в этом ли году, в Думу, или в будущем, когда ожидаются выборы президента, — за кого вы проголосуете?

— Я ценю, что к моим словам прислушиваются на моей родине, поэтому сейчас ничего говорить по этому поводу не буду. Сначала я хочу посмотреть, какие у кого программы, ведь предвыборная кампания только началась. В общем же я думаю, что сейчас нам нужны администраторы и профессионалы. Я сейчас работаю в Большом театре. Здесь тоже отнюдь не все хорошо, и только потому, что мы потеряли огромное количество профессионалов. Во многих областях у нас работают любители. Я понимаю людей, которые мучаются оттого, что в качестве законодателей в Думу приходят непрофессионалы, которые ничего в этом не понимают. Если бы членов Думы даже озолотили, я бы все равно никогда не выставил туда свою кандидатуру. По единственной причине: я ничего не понимаю в том, чем Дума должна заниматься.

— Вы и сейчас, четыре с лишним года спустя, поддерживаете Бориса Ельцина?

— Да. По тому, что я вижу, а более всего — по тому, что я чувствую, в нем есть нечто, что противостоит влиянию крайних сил. И это важно. Потому что, если, скажем, на президентских выборах победит коммунист, может начаться гражданская война. Я почти в этом уверен. Уже сейчас те молодые люди (настоящие, не только "новые русские"), которые поняли вкус новой жизни, которые нашли новые возможности для увеличения своего жизненного капитала, — они считают, что жизнь в общем идет вверх, а не вниз. Я думаю, что эти люди не дадут коммунистам повернуть Россию назад. И будет гражданская война. А если коммунисты окрепнут, они все равно будут пытаться поднять восстание, захватить власть

какие-то новобранцы-добровольцы, им вручили оружие и отправляли... Не знаю куда. Наверное, поднимать путч.

— Однако оппоненты Бориса Ельцина говорят о том, что своим приказом о вооруженном вмешательстве в эту ситуацию он нарушил законы Российской Федерации.

— Это уже, так сказать, не мой участок. Конечно, есть Конституция, которую нельзя нарушать. Но, по моему, этот вопрос уже рассматривался в Конституционном суде, и, кажется, было вынесено решение о том, что Ельцин имел право так поступить. Я не законник (именно поэтому я никогда не буду баллотироваться в Думу). Но я — человек совести. Я знаю, что нельзя согласиться со стрельбой в окна дома, где находятся люди. Но я знаю и другое: когда погибает сто человек, это все-таки лучше, чем когда погибает миллион. Я твердо уверен в том, что если бы к власти пришли эти люди во главе с Руцким и другими воинствующими генералами, случилась бы кровавая драма.

Может быть, были другие способы остановить нарастающее противостояние. А может быть, их не было. Чтобы понять это, нужно знать более тонкие детали. Я их не знаю.

— Мстислав Леопольдович, когда-то, еще до своей высылки из СССР, Александр Солженицын нашел убежище на восточной даче в Жуковке. Сейчас Солженицын в

есть интересные. И там есть талантливые вещи. Но вульгарное мы должны отбрасывать. И поскольку в российском телеэфире появляется масса вульгарщины, я считаю, что Александра Исаевича надо выслушать достойно.

— Мстислав Леопольдович, в последнее время вы бываете в России наездами. Вот вы приезжаете и время от времени, я полагаю, просто ходите по улицам Москвы — ну хотя бы для того, чтобы прогуляться. Что вы видите?

— Рассказать вам смешную историю? Несколько дней назад я поехал к одной больной женщине: она нуждается в помощи. Живет она довольно далеко, на "Каширской". После репетиции в Большом я сел в метро и доехал до "Каширской". Посмотрел на московское метро, которым не ездил 22 года. Все-таки должен сказать, что поезда идут быстро. А на обратном пути я сел в автобус. И никак не мог заплатить деньги за проезд. И когда я поинтересовался, в чем дело, пассажиры мне ответили: мы сейчас не платим, потому что чем больше они повышают проездную плату, тем меньше мы за это платим.

Вот вам Россия.

Я так и не заплатил. Очень застеснялся, проехал две остановки и пересел в метро. Там уж заплатил, жетоном.

С Мстиславом РОСТРОПОВИЧЕМ
беседовал Марк ДЕЙЧ.

Фото Александра ИЗОТОВА.

